

ЛЮБИ МЕНЯ

ЕЛЕНА ТОДОРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т50

Тодорова, Елена.

Т50 Люби меня / Елена Тодорова. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-17-160226-0

«Он – мой главный герой».

Строгий отец, жестокая мать, орава сестер, странные обычаи и нищета — таковы реалии жизни Сони Богдановой. Лишь в запретном мире книг, мечтая о собственной большой любви, она ощущает себя счастливой. И эта любовь в ее жизни случается.

Влюбляется Сонечка в лучшего из лучших — единственного сына прокурора города. Александр Георгиев — сильный, статный, красивый, но угрюмый принц, который не стремится к серьезным отношениям. Тем более с такими, как она.

И все-таки... Случай все меняет.

Принц предлагает Соне стать его девушкой. Правда, фиктивной, наперекор родне. Но разве это не волшебство, когда сказка воплощается в реальность?

Откровенная история о любви и страсти!

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160226-0

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Он – мой главный герой.

Соня Богданова

— О, нет... — выдыхаю ошарашенно. А когда мозгу удастся полностью обработать увиденное, еще более огорченным полушепотом добиваю: — Нет-нет-нет... Нет! Только не это!

Обычно мне сложно сдерживать эмоции, но сейчас я реально стараюсь. Я ведь на работе. И я от нее завишу.

Ну почему именно он здесь? Он!

Я не могу лишиться денег, которые мне должны заплатить за обслуживание этого банкета. Но как мне перебороть себя и предстать в образе жалкой официантки перед парнем, который вот уже почти год занимает все мои мечты?

Стиснув края блестящего металлического подноса, несколько раз подряд напоминаю себе о необходимости вынести закуски в зал. А вместо этого бесконечно пячусь. До тех пор, пока не вжимаюсь спиной в одну из мраморных колонн.

Остальные официанты, не замечая моего странного поведения, продолжают выполнять свою работу. Без передышек носятся из кухни в зал. Задевая и тем самым слегка раскачивая льющуюся из-под потолка шестиметровую белую занавесь, то и дело открывают мне обзор в святая святых.





Оу, боже...

Один взгляд на него, и сердце останавливается.

Красивый... Какой же он красивый...

В шикарном смокинге, высокий и крепкий, Александр Георгиев выделяется среди более зрелых и состоявшихся мужчин, которые его сейчас окружают. От него веет не просто богатством и статусом, а каким-то внутренним достоинством.

В академии он казался совсем другим. Беззаботным, как и все его друзья баскетболисты. Довольным своей сытой и богатой жизнью. Здесь же Георгиев поражает серьезностью, с которой держится среди всей этой знати. Он, конечно, один из них. Но все же...

— Ты чего подвисла, Сонь? — выдергивает меня из размышлений подруга.

Вздрогнув от неожиданности, оборачиваюсь.

— Надюша, — радуюсь тому, что рядом Дога, а не наша главная или кто-то из ее шестерок. — Я не могу выйти в зал! Там Саша Георгиев! — говорю о нем, как всегда, шепотом, но при этом интонируя такими эмоциями, что сразу понятно: я в панике. — Он не должен видеть меня в образе служанки!

— Сонечка, ты меня, конечно, извини... — делая многозначительную паузу, Надя со вздохом закатывает глаза. — Вынуждена тебе напомнить, что он таких, как мы, не замечает в принципе. Тебя тоже, моя дорогая! Или я что-то пропустила? — ее сарказм никогда не обижал меня. Скорее, забавлял и веселил. Ровно до этого момента. Сейчас схищство Нади очень даже задевает. Но едва я открываю рот, чтобы возразить, она жестом останавливает: — О том, как он тебя год назад по просьбе Чарушина подвез домой, я в курсе. Слышала об этом тысячу раз! Только сам Георгиев об этом вряд ли вспомнит, Сонь! Это как сфоткаться с рок-звездой — он обнимет тебя за плечи, улыбнется в кадр, назовет «малышкой», но на самом деле даже не потрудится сфокусировать взгляд на твоём лице. Спустись на землю!





— Он знает, кто я! Моя сестра дружила с ним, когда встречалась с Чарушиным!

Ну, почти... Ладно, они просто пересекались в одной компании.

Но у меня, клянусь вам, еще с десятков аргументов на тему «Почему мои мечты не безнадежны?». Просто Наде их вываливать настроения нет. Особенно, когда она снова насмешливо глаза закатывает.

— Идем работать, фантазерка, — бросает Дога, подталкивая меня в зал. — Получишь деньги — купишь двадцать пятое красивое платье, чтобы в очередной раз помелькать перед Георгиевым в академии. Авось заметит.

— Обязательно заметит! — уверенно заявляю я.

Еще и фыркаю, будто это взаправду неизбежно.

— Да, да, да... Обязательно...

— Выкусишь еще, гуляя на нашей свадьбе!

Надя прыскает смехом, а я вдруг осознаю, что мы уже в центре зала. На автомате оглядываюсь к тому месту, где стоял Георгиев.

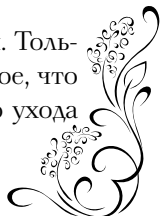
Боже, он все там же!

Но... Надя права, в мою сторону он даже не смотрит. И переживать о том, что узнает, смысла нет.

Грустно вздыхаю и, наконец, заставляю себя заняться работой.

Раньше, когда я читала в книгах о всяких светских рутках, у меня от восторга даже сердцебиение учащалось. Я так хотела увидеть все это великолепие своими глазами! Только вот никогда не думала, что окажусь на подобном приеме в качестве обслуги. Но, увы, зарплаты продавца-консультанта в бутике масс-маркет сегмента не то чтобы на красивую одежду не хватает... Порой, когда меня в очередной раз штрафуют, и еду с коммуналкой единолично сестра покрывает.

Самостоятельность несет в себе гору сложностей. Только, бога ради, не подумайте, будто я жалуюсь! Главное, что мы свободны. Потому как... Лично в моей жизни до ухода





из дома-тюрьмы существовала лишь одна радость — чтение. Книги были единственным местом, где я могла ощутить себя счастливой. Но даже чужие эмоции я проживала тайком. В той сумасшедшей семейке, в которой меня и еще шесть сестер воспитывали, словно послушниц монастыря, чтение любовных романов считалось страшным грехом.

Хорошо, что моя дремучая мама не имела понятия о таком инструменте, как «родительский контроль», а мой старый смартфон легко тянул загрузку электронных книг. Иначе бы я умерла от тоски лет десять назад. Ну, или сбежала бы еще тогда и жила бы где-то в подвале многоэтажки.

Александр Георгиев... Снова и снова смотрю на него. Не могу удержаться, хоть и знаю, что не стоит.

Если представить, что моя жизнь — книга, то вот он — мой главный герой.

Просто, как это обычно в любовных романах и бывает, сам Саша еще этого не понял. Жизнь обязана нас снова столкнуть. Я оптимистка? А как иначе! Когда Георгиев меня узнает, точно всемя!

Главное, не навязываться.

Основной урок, который я вынесла из книг, — девушка должна быть гордой и неприступной. Заинтересовать, конечно, необходимо. Но никаких слишком очевидных шагов предпринимать нельзя. Мужчина должен добиваться.

Как же я этого жду! Как я об этом мечтаю!

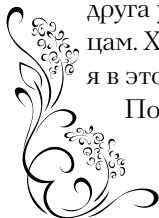
Ну, и куда он пропал теперь? А может и лучше... Да, лучше.

— Надюш, — подбежав к подруге, пихаю ей свой пустой поднос. — Мне срочно нужно в туалет. Если что, прикрой.

Дога недовольно цыкает, но оставляет мою просьбу без комментариев. Подмигиваю ей и спешу в сторону служебных помещений.

В конце коридора оглядываюсь. А убедившись, что подруга ушла, сворачиваю к ведущим на второй этаж лестницам. Хочу осмотреться и немножко пофантазировать, будто я в этом роскошном доме хозяйка.

Почему нет? Мне нужны положительные эмоции.





Только, едва я взбегаю наверх и подбираюсь к первой резной, словно в королевском дворце, двери, из-за нее доносится приглушенная ругань.

— Да похрен мне, с кем ты договорился! Ты меня не слышишь, что ли? Ноги моей там не будет!

Столько в этом крике агрессии, что я с трудом голос Саши узнаю. Стискивая ладони в кулаки, столбенею у двери.

— Что за выражения? Что ты себе позволяешь? — рявкает кто-то постарше. Меня пробивает резкой дрожью какого-то подспудного неприятия. — Как ты с отцом разговариваешь? Сбавь тон, сынок!

— Оставьте меня в покое, тогда и сбавлю!

— Александр! — одергивает мужчина еще яростнее. — Ты — Георгиев, а это накладывает определенные обязательства. Вести себя, словно импульсивный подросток — ни я, ни мама тебе не позволим. Вопрос решенный. Не разочаровывай нас. Будь достойным сыном своей семьи.

— Достойным? Я вам, мать вашу, не идеал! Слышишь меня? Я человек, а не экспонат на выставке!

Дверь распахивается так резко, что я попросту не успеваю как-то среагировать. Ни спрятаться, ни хотя бы отскочить в сторону, чтобы освободить путь разъяренному парню — не удается.

Он буквально налетает на меня.

Очевидно, что ловит, спасая от падения, машинально. На каких-то инстинктах обхватывает руками и прижимает к себе. А я, сталкиваясь с ним взглядом, едва не умираю от свирепой, будто чума в восемнадцатом веке, вспышки эмоций.

— Тебе нельзя здесь находиться, — толкает жестким тоном, от которого я пугаюсь.

Словно он меня убить способен... Словно за такое вообще убивают!

— Я знаю... — лепечу в ответ едва слышно.

Еще никогда мы с ним в таком тесном контакте не оказывались.





Господи, конечно, не оказывались! Откуда, если он меня в принципе не замечает?!

А сейчас я чувствую его запах... Я ощущаю даже его дыхание! По моей коже носятся табуны мурашек. Я куда-то лечу. Я умираю и воскресаю. Впервые проживаю свои собственные эмоции. И, боже мой, их так много! Внутри меня словно апокалипсис случился!

Когда в пульсирующей гул моего взорванного сознания пробиваются приближающиеся шаги, я не способна запаниковать и что-то предпринять.

— Черт... — хрипло выдыхает Саша. — Иди сюда.

Двигаться я не могу. Все силы уходят лишь на то, чтобы стучало сердце. Но, к счастью, он не ждет, пока я исполню этот призыв самостоятельно. Просто тянет за руку, заставляя бездумно перебирать ногами.

Не разбираю дороги. Осознаю лишь погружение в темноту и тихий щелчок дверного замка.

Мрак. Тишина. И необычайно интимная теснота.

— Раздевайся.

— Что?

— Тебе нужна эта работа?

— М-м-м, да...

— Снимай форму.

Глава 2

Не говори об этом никому!

Соня Богданова

— Испугалась? — этот вопрос, заданный приглушенным, будто бы вкрадчивым голосом, звучит между нами целых три часа спустя, когда я уже направляюсь к служебному транспорту, чтобы отправиться домой.

«Он снова со мной разговаривает...» — первое, что мне удается осмыслить после новой вспышки хаоса в своем сознании.

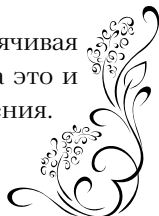
Испугалась — не то слово. Совсем не то. Я поражена до паралича. Дар речи тоже потерян. Раньше думала, когда он обратит на меня внимание, столько всего ему скажу! Ночами спать не могла, так много важных слов бродило в голове. А я сочиняла еще и еще. Там на целый роман было! Причем двухтомник!

Сейчас же... Я стою и просто бестолково таращусь на парня своей мечты.

— Насчет твоей одежды, — говорит так же ровно, окидывая меня небрежным взглядом. — Это была шутка. Не думал, что ты испугаешься.

— Я не испугалась, — выдыхаю, наконец, я.

Стискивая ладони в кулаки и решительно выпячивая грудь, пытаюсь скрыть гуляющую по телу дрожь. Да это и не страх, конечно. Трясет меня от другого рода волнения.





— Ты убежала, — напоминает Саша тем же невозмутимым тоном.

И снова соскальзывает взглядом на рубашку моей уродской формы.

Я совершаю резкий вдох, когда ощущаю неожиданный порыв расплакаться.

Какого черта? Почему он видит меня именно такой? Что за издевательство?

— Не убежала, а ушла работать, — поправляю, расставляя нужные мне акценты.

Георгиев кивает, будто бы давая знак, что принял мой ответ. Но едва я только успеваю расслабиться, он прищуривается и вдруг впивается в мое лицо по-настоящему внимательным взглядом.

Не то чтобы я прежде никогда не подвергалась столь пристальному изучению со стороны парней... Господи, ну это ведь он! Я с трудом остаюсь в сознании! Дрожь по телу гуляет безумная. Кажется, что кожу поражает какая-то жутко жгучая дерматологическая хворь.

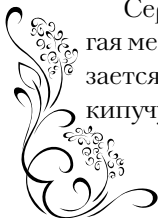
Свет уличных фонарей слишком яркий. Он слепит до жжения в глазах. А может, и не он. Ведь мне не остается ничего другого, как рассматривать Георгиева в ответ.

Слегка выгоревшая, густая каштановая копна волос, смуглая кожа, твердая линия подбородка, нереально чувственные и безумно красивые губы, белый воротничок, черный смокинг. Но самыми поражающими все же остаются темные, совсем не мальчишеские глаза.

Он мужчина.

Впервые я ощущаю это физически. Клянусь, что даже сумей я крепко-крепко зажмуриться, а не просто опустить взгляд к его подбородку, буду чувствовать доминирующую гендерную принадлежность Саши.

Сердце... Через раз стучит. С отяжкой ухает вниз и, пугая меня до ужаса, надолго застывает там. Возвращаясь, врезается в ребра и стремительно раскидывает по организму кипучую кровь.





Мне дико жарко. Я еще никогда так не болела. Я даже не готова признать свои эмоции положительными. Меня ломает до боли. Я не могу это контролировать. И это вызывает панику.

— Меня зовут Соня... — шепчу в попытке разрушить сгустившееся напряжение.

— Я в курсе, кто ты.

Едва он это говорит, мой взгляд прекращает метаться. Он бросается к его темным глазам и неподвижно на них замирает. Мы будто сцепляемся, и то, что происходит со мной... Я не помню подобного ни в одной прочитанной книге.

Каждую клетку в моем теле разбирает дрожь. После встряски там рождается неестественная энергия. словно бы это электричество, которое мне некуда, да и незачем, вырывать. Но остановить процесс я неспособна.

— Значит, помнишь? — дроблю, не в силах скрыть волнение.

Он не отвечает.

Вместо этого выдает нечто странное.

— Я удивлен, что ты не разделась.

И снова меня выбивает на неизведанные просторы жизни.

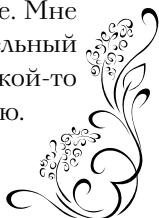
Думала, что знаю, как реагировать на любое развитие диалога. А на деле оказывается, что я даже не понимаю, с какими эмоциями это заявление воспринимать. Не то что найти какой-то ответ!

Наверное, стоило бы просто уйти. Тем более что служебный транспорт отчалил пару минут назад, и мне теперь добираться домой пешком.

— Хорошая шутка... — выговариваю с намеком на осуждение.

Какого черта он добивается? Не понимаю.

Окончательно теряюсь, когда Саша шагает ближе. Мне приходится задрать голову, чтобы не потерять зрительный контакт, но ухмылку, которая, как мне кажется, на какой-то миг растягивает его губы, зафиксировать я не успеваю.





Он так необычно пахнет... Я могла бы сказать, что не так, как я. Но этот запах и нельзя назвать просто мужским. Потому как Антон, например, ничего подобного в себе не несет. Никто не несет. Только Саша. Он... Возбуждает у меня зверский голод.

Со мной творится что-то очень и очень странное. Не похожее на ту романтику, что я читала в книгах.

Боже, наверное, пора перестать сравнивать.

Потому что мечтала я о чем-то подобном на любовную любовь, а получила сходу обжигающую страсть. Сама не понимаю, как определяю свои чувства. Очевидно, пробудившиеся внутри меня желания чересчур сильные. И слишком пугающие.

— Мне пора, — быстро бросаю.

Сама поверить в подобное не могу, но я ухожу.

Сердце продолжает колотиться, угрожая убить, если не вернусь. Но когда я представляю, что будет, если вернусь... Еще тревожнее себя ощущаю.

— Подожди, — горячие пальцы прожигают ткань рубашки в районе локтя. — Из-за меня ты опоздала на автобус. Давай отвезу домой.

Убирает руку, когда замечает, как возмущенно я на нее смотрю.

— Извини. На секунду забыл, какая ты.

— Какая? — не могу не спросить.

Смотрю на него и вновь почву под ногами теряю.

Георгиев же, сунув руки в брюки, отступает назад, чтобы прочесать меня с головы до ног очередным взглядом, градус которого в этот раз становится не только полной неожиданностью, но и какой-то пристыжающей тайной.

— Из Богдановых же, — толкает, пожимая плечами. Во взгляде не только снисхождение, но и провокация. Суть последней мне неясна. Пока я пытаюсь совладать с эмоциями, Георгиев тем же пренебрежительным тоном добавляет: — Знаю, что в вашей общине неприемлем любой физический контакт. То, что я сказал насчет твоей одежды и того, что





якобы удивлен — полная хрень. Не знаю, зачем... — задерживает на мне какой-то растерянный взгляд. Мгновение, и его сменяет недовольство. Я отчего-то вздрагиваю, пока он хмурится и сжимает челюсти. — Не знаю, зачем все это делаю.

Я тоже не знаю.

Ничего не понимаю. Полностью дезориентирована. И крайне сильно расстроена тем, как веду себя с ним.

Когда атакует новый приступ удушья, как самый верный признак несвойственной мне паники, за неимением других решений начинаю тарахтеть.

— Я больше не принадлежу к общине. Мы с Лизой ушли от родителей в феврале. Живем на Зеленой. В том же подъезде, что и ректор Курочкин. Он нам очень помог.

Кислород заканчивается. Голос глохнет.

А потом...

Случается поистине ужасная вещь: из моих глаз ни с того ни с сего брызгают слезы, а из горла вырывается сдавленное всхлипывание.

— Черт...

Мне стыдно до ужаса, но даже это чувство не способно заставить меня успокоиться, а лишь усугубляет мое состояние.

— Не говори об этом никому!

Не думаю, что ошарашенный моей истерикой Георгиев понимает, какую именно информацию я пытаюсь скрыть: ту, что сама выдала, или свою истерику. Я и сама не понимаю.

И вдруг... Он меня обнимает.

Глава 3

Она – мое наваждение.

Александр Георгиев

— С-спасибо... — шепчет, не прекращая трястись.

Эта дрожь такая же странная, как и все остальное в этой девчонке. Пока держу ее в руках, она проникает внутрь меня. Токовыми разрядами проходит сквозь кожу и рубит мышцы. Клетки воспаляются, и мне становится адово горячо.

Что еще за хрень?

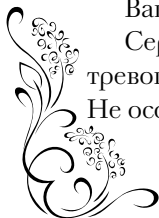
Зачем я вообще ее обнимаю? Откуда этот чертов порыв?

Я же не Чара. В моей генетической программе не прописана помощь всякой голи. Я достаточно цинично отношусь к историям, которые этот бедняк выдает. Не трогает меня, даже если в них проскальзывает правда. Дело не в природной жестокости, как некоторые считают. Я не ублюдок. Но и не идиот, чтобы меня разводили, как лоха. Вот и все.

Но... У этих Богдановых, очевидно, есть какой-то общий таборный набор фишек, которые работают на всех. Безотказно. Вот я вообще не понял, какого хрена Соня расплакалась, а зачем-то ее обнял.

Вашу мать...

Сердце срывается и ускоряется неожиданно. Я словно тревогу ловлю. Безотчетную. Не могу дать ей определение. Не осознаю, откуда она внутри меня выходит.





Головокружение, трудности с дыханием, сухость во рту, спазмы и жар в груди, бешеный пульс, онемение и дрожь в конечностях — все признаки аварийного нервного возбуждения.

Это у меня-то? Откуда? Я по жизни хладнокровен. Исключительно.

Чтобы отрубить источник, отстраняюсь. Убираю руки с тела Богдановой и отшагиваю на безопасное расстояние. Крайне медленно перевожу дыхание.

Она даже моргает с какими-то странными периодичностью и скоростью. Этому где-то обучают? Я подвисаю. Пока она не опускает веки полностью. И даже тогда... Мне в грудь будто гребаная ракета влетает. Я крепкий, корпус выдерживает. Только внутри все загорается.

Черты ее лица пробуждают неадекватный интерес. Абсолютно.

Я никогда никого не рассматривал так подробно, как разглядываю эту девчонку. Настолько, что когда она поднимает на секунду-две руку, чтобы утереть манжетом слезы, переживаю протест.

Хочется одернуть. Сказать, чтобы не мешала. Если ослушается, обездвижить силой.

Дикость.

Она против меня слишком мелкая. И чересчур хрупкая.

Не мой типаж. Не привлекают такие. Когда я кого-то трахаю, предпочитаю не беспокоиться о том, что могу ей что-то сломать. О сексе с Богдановой, безусловно, планов не строю. Блядство — это не про них. Вот только мысли всплывают сами собой и подрывают своей дурью мне крышу.

Разгоряченная кровь резко устремляется в пах. У меня встает. И встает не первый раз на нее. Трудно объяснить, но когда где-то вижу Соню, кроет похотью, как бурей. Да, даже ее имя для меня — синоним порно.

Но я умнее Чары. Понимаю, что это нечто нездоровое. И успешно игнорирую.

